

Правда жизни

Тору Мотидзуки

Все устают. Даже самый опытный воин, прошедший немало битв, в какой-то момент опускает оружие и снимает доспех, становясь уязвимым для врагов. Но именно этот момент, способный приблизить его к неминуемой гибели, в итоге превращается в минуту наивысшей свободы. Больше не нужно латать свои раны и, делая вид словно их не существует, снова и снова идти на противника, постепенно забывая, за что ты борешься, поскольку сражение становится смыслом и содержанием твоей жизни. Все закончено, и твою судьбу определяет только бездушная случайность, решающая жить тебе или умереть...

Тору выключил воду, холодные брызги которой еще оставались на его лице, и непроизвольно зацепился взглядом за свое отражение в зеркале. Ну а то даже не собиралось его щадить, в очередной раз напоминая о возрасте, залегшем на лбу и в уголках глаз характерными морщинами. Казалось, еще недавно он считался в семье юным бунтарем, а теперь уже сам вел отсчет после своего сорокового дня рождения. Но даже не его собственные годы явились причиной фиаско, которое потерпел уже второй его брак, а гигантская пропасть в двадцать лет, мост через которую разрушался, сколько бы его не строили. Поэтому, когда Яреци в очередной раз заговорила об открывающихся перед ней возможностях, в связи с приглашением в Израиль, Тору даже не пытался ее удержать или отговорить. Да и какой в этом был смысл? Останься она с ним и Кимико, и все снова бы вернулось к тому, от чего они так долго пытались уйти: к обидам, срывам и бесконечным попыткам залатать то, что уже давно превратилось в одну огромную дыру. Ну а так, она получала то, чего уже давно хотела - свободу делать что и как пожелает, без оглядки на мужа и ребенка.

Из гостиной, совмещенной с кухонной зоной, раздался подозрительный шум. Судя по всему, Кимико решила немного попрыгать на диване, исследуя новую квартиру, которую подобрал им ее дед. Судьба любила извращенные шутки: после первого брака он получил друга в лице бывшей жены и врага в лице тестя, а вот сейчас все было совсем наоборот, хотя, конечно, с Яреци они не враждовали. Они просто разлетелись в разные стороны, как увядшие листья, сорванные с дерева порывом ветра. Но на этот раз он хотя бы не оставался один. У него была дочь, так пока до конца не осознавшая, что мамы рядом больше не будет, и время от времени упоминавшая ее в разговоре, рассуждая о планах на будущее.

- Кимико, пошли, а то дедушка нас заждется. - Тору вытер лицо и вышел из ванной, обнаруживая дочку, как и предполагал, скачущей по дивану. Его малышка выглядела веселой и предвкушала скорую встречу с Моррисом, но он уже измучился от терзающего его вопроса, что она чувствует на самом деле. Хотя сейчас, когда на нее свалилась масса новых впечатлений, Кимико не собиралась грустить, ловко спрыгнув с дивана, подбежав и вцепившись в его руку, которую так и не выпускала, заставляя его орудовать одной свободной рукой ровно до того момента, как они выбрались из квартиры.

Дорога до дома Морриса занимала минут десять быстрым шагом, но у них на нее

ушло порядка двадцати. Девочка постоянно на что-то указывала и заваливала его вопросами, перемешивая японские и китайские слова, ну а сам Тору старался вести себя как обычно, не желая валить свои личные проблемы на маленького ребенка. Теперь он жил только ради нее, а потому даже решил вернуться в Японию, где дочери не должно было так одиноко, как в Китае, где отец оставался ее единственным родственником. По крайней мере по деду Кимико явно скучала, о чем успела ему сообщить за сегодняшний день уже раз двадцать и еще раз повторить, когда они, наконец, оказались возле двери квартиры Морриса, в которой тот жил сейчас со своей новой семьей.

Моррис Фернандез

Идиотка. Господи, ну почему у меня дочь выросла такой идиоткой? Ладно, идиоткой, но второй раз так эгоистично поступать с людьми, которые ее любит? Или она действительно никого не любила? Неужели это все моя вина?

Несколько дней, а может прошло гораздо больше времени, чем дней, Моррис получил известие, что Яреци уехала. Скорее всего навсегда, так как сняла свое обручальное кольцо. И получил он это известие не от нее самой, а от Тору, который позвонил, кратко озвучил ситуацию и попросил своего зятя о помощи. Моррис был зол. На свою дочь. Потому что она не соизволила ему написать или позвонить. Или связаться как-то по-другому. Хотя он, кажется, понимал, почему она не связалась с ним.

Моррису было тяжело. В ресторане были небольшие проблемы. Некоторое время назад, когда Юлиана ушла, появилось несколько плохих отзывов, и надо было что-то делать. Вытаскивать Юлиану из декрета, раз она сама не звонит и не напоминает о себе (значит, у нее все прекрасно) он не хотел. Сам пытался приготовить пару ее блюд, но что-то не получилось. Может быть, это возраст.

Благо, был баланс. Новая семья, которая его поддерживала. Юка обрела уверенность, попросила прощения у Жюли, и все в их маленькой семье было хорошо. Но добавилась дочь.

... Сегодня Моррис остался дома. Он хотел напиться, чтобы больше не думать о том, что воспитал эгоистку, которая никого никогда не любила. И от этих мыслей становилось не по себе. И ему было стыдно. Перед Тору. Вообще, когда Тору все это сообщил и попросил помощи, Моррис был уверен, что тот захочет поселиться подальше от своего тестя. Однако тот сам сказал, что хотел бы где-то поближе к дому или ресторану, и в итоге приехал в эту квартиру. И теперь звонит в дверь.

Моррис сегодня остался один. Жюли с Юкой отправились на шоппинг, обещая скоро вернуться, чтобы познакомиться с маленькой любознательной девочкой. Жюли и малышка Юка готовы были заняться Кимико, пока Моррис и ее папа будут разговаривать.

Открыв дверь, мужчина увидел внучку, которая сильно стала похожа на Яреци, и болезненно поморщился. А потом посмотрел на Тору. Кимико обняла Морриса, и он наклонился и поцеловал ее.

- Здравствуй, Тору. Проходи, - сказал Моррис, поклонившись зятю.

Тору Мотидзуки

Долго ждать не пришлось. Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, выпуская вперед Морриса. Его тесть, теперь уже бывший, выглядел неплохо, но явно переживал из-за всей этой ситуации с дочерью. И в связи с этим оставалось только порадоваться, что жизнь сеньора Фернандеза сейчас была вполне себе устроенной благодаря новой семье.

- Здравствуйте, Моррис. Рад вас видеть. - Первым делом Тору снял ботинки и напомнил дочери, что ей стоило бы последовать его примеру, поскольку та явно планировала сразу завалить деда рассказами о том, как они летели из Пекина и что уже успели увидеть в Токио. Хотя лично он сам не увидел ничего интересного, пусть и достаточно давно не был на родине. А еще забавность происходящего заключалась в том, что Яреци часто обижалась на него за нежелание возвращаться в Японию, а теперь сама же вынудила его это сделать своим окончательным уходом из жизни бывшей семьи.

- Кимико, не прыгай вокруг деда, а то у него голова закружится. - Лишний раз вспоминать ушедшее безвозвратно Тору не хотелось, но он прекрасно понимал, что некоторые вещи из памяти так просто не выбросить. Когда-то очень давно молоденькая девушка, жутко боясь реакции сурового японца, робко интересовалась его жизнью до их знакомства. А вот теперь и она сама стала частью прошлой жизни, осколки которой остались разбросанными в их доме в монастыре, единственном от которого Тору не мог избавиться. И, конечно, воспоминания о ней были навечно запечатлены в чертах его дочери, расстаться с которой ему было бы труднее, чем отказаться от собственной жизни.

Моррис Фернандез

Кимико стала прыгать вокруг дедушки, желая, чтобы тот ее взял на руки и, вероятно, посадил на плечи, как это иногда делал, когда Кимико была маленькой. Забавно - Яреци панически боялась высоты и сильно вцеплялась в его волосы, когда он сажал ее на плечи, а Кимико это нравилось. Она визжала от восторга. Это было давно. Кимико не похожа на его дочь. Пожалуйста, пусть она будет не похожа на свою маму.

Тору же прошел в квартиру и снял ботинки. Кимико посмотрела на папу и последовала его примеру. Потом посмотрела на тапочки и надела их. Моррис улыбнулся, а потом поморщился. Неприятные воспоминания кольнули его сердце, и он вздохнул. Потом потрепал Кимико по волосам.

- Помой руки и иди в комнату. Там живет Юка. Ты будешь себя хорошо вести и не трогать ее вещи? Она оставила тебе карандаши и альбом. Ты порисуешь? - Спросил Моррис у внучки.

- Да, хорошо. Я нарисую лес.

И девочка убежала сначала в ванную, а потом в комнату Юки. А Моррис посмотрел на своего зятя и тяжело вздохнул.

Тору выглядел уставшим.

- Проходи на кухню. Я... тоже рад тебя видеть. Как ты?

Мужчина не знал, что говорить. Он прошел на кухню и достал из шкафчика виски и два стакана. В духовке пеклось мясо, на столе стояли легкие закуски. Моррис всегда старался быть гостеприимным хозяином. Но сейчас он не знал сейчас, о чем разговаривать.

Тору Мотидзуки

Пусть Яреци пару раз и пыталась убедить его в обратном, сам Тору не назвал бы Кимико непослушным ребенком. Малышка была любознательной, временами дурачилась и безобразничала, как любая нормальная девочка ее возраста, но прекрасно знала черту, переступить которую не стоило. По крайней мере так всегда было в его присутствии, поскольку об отношениях дочери и ее матери он знал намного меньше, чем ему стоило бы знать. Но даже если там все было не слишком благополучно, деда Кимико слушалась не хуже, чем его самого, без каких-то лишних вопросов согласившись порисовать, пусть и предпочла бы пообщаться с Моррисом, которого не видела уже очень давно.

- Да у меня все неплохо, - ответил Тору, глядя вслед убегающей дочери и прикидывая, сколько та просидит с рисунками прежде чем вернется к ним, посчитав, что с отцом и дедом намного интереснее. - Я уже давно был готов к подобному повороту событий.

Чем больше Тору думал на тему своих неудавшихся отношений, тем сильнее укреплялся в мысли, что не забеременей Яреци, и они разошлись бы уже давно. Ведь одно дело поиграть в любовь с мужчиной, который годится тебе чуть ли не в отцы, и совсем другое - примерить на себя роль жены и хозяйки, когда тебе еще хочется романтики и развлечений. И было бы откровенной ложью сейчас рассказывать сказки о том, что произошедшее стало для него подлым ударом в спину, перевернувшим всю его жизнь.

- Но вот к жизни в Японии мне придется привыкать заново. - Тору невесело усмехнулся, признавая свое полное поражение. Сколько бы он ни пытался убежать и строить свою жизнь по иной схеме, нежели его семья, в итоге он все равно вернулся практически к тому, с чего начинал, признавая правоту матери, которая, казалось, всегда все видела наперед.

Моррис Фернандез

Тору держался уверенным и спокойным, но Моррис чувствовал, что это спокойствие дается ему с огромным трудом. Тооу всегда был собранным, не позволял эмоциям брать верх над разумом, и это его сильно отличало от Яреци. Может быть, в этой ее черте была вина самого Морриса - ведь мертвых не обвиняют. Теперь он один является виноватым в том, что не смог правильно воспитать дочь.

Кимико была очень сильно похожа на Яреци, и это был второй родной человек. Маленькая девочка, наполовину мексиканка. Хорошая, добрая и послушная девочка.

Яреци когда-то говорила ему, что Кимико не слушается ее, что сильно балуется и ведет себя отвратительно. Но сейчас девочка вела себя хорошо.

Моррис разлил виски по стаканам и взял свой в руку. Выпил обжигающий крепкий напиток и хмыкнул.

- Я постараюсь тебе помочь быстро адаптироваться в своей стране. Но я пойму, если после всего, что натворила моя дочь, ты запретишь мне видаться с внучкой. Это моя вина, что Яреци выросла такой.

Моррис внимательно посмотрел на Тору, не зная, что еще сказать. Вместо этого он налил себе еще виски и вздохнул.

Тору Мотидзуки

Не успели мужчины разместиться на кухне, как Моррис начал наливать виски, напоминая о тех временах, когда они с тестем общались чаще. И хоть Тору предпочитал не пить, если Кимико находилась неподалеку и могла наблюдать этот процесс, не смог отказать человеку, переживающему из-за всего произошедшего чуть ли не сильнее, чем он сам, притянув к себе стакан и сделав небольшой глоток. Знакомый вкус вызвал на его губах невеселую усмешку. Хоть что-то оставалось неизменным, хотя лично он бы предпочел, чтобы эта стабильность касалась не алкоголя, а его жизни, которую сейчас приходилось перестраивать с учетом новых обстоятельств, требующих где-то поступиться своей гордостью и многие вещи начать с самого начала, отказавшись от уже имеющихся достижений.

- Почему я должен запрещать вам общаться с внучкой? Тем более, она сама этого хочет. - Тору опустил взгляд на свой пока еще полный стакан и немного покрутил его в руке, наблюдая за красиво плещущейся жидкостью. - Я сам выбрал Яреци, прекрасно понимая, к чему этот выбор может привести, поэтому вам не стоит себя винить.

Слушать о помощи в адаптации от иностранца было немного удивительно, но Тору видел, что Моррис искренне желает ему помочь, поэтому не стал говорить о своей способности справиться со всем самостоятельно, с годами став намного мудрее и научившись ценить хорошее отношение других людей.

- У меня есть уже кое-какие идеи по поводу работы и прочего. Но ваша поддержка мне очень поможет в том, что касается Кимико. - Раз Тору до сих пор не забыл своего конфликта с первым тестем, то и тот, наверняка, не отказался от идеи мстить бывшему зятю, лишившему его дочери. Но даже так его опыт в боевых искусствах и знание языков должны были помочь найти неплохие варианты, пусть ему и снова светило зарабатывать авторитет с нуля.

Моррис Фернандес

Только они начали разговаривать, как скрипнула дверь, и к ним на кухню пришла довольная Кимико. Она несла альбомный лист, на котором было нарисовано несколько деревьев. Коричневые стволы, зеленая крона и синее небо. Акварельные краски еще не высохли, и несколько капель стекало вниз, смешиваясь. Моррис улыбнулся и почувствовал неприятный укол в сердце. Вернулись далекие

воспоминания, когда маленькая дочка также принесла рисунок, только он уже и не помнит, что там было нарисовано.

- Деда, а что вы делаете? Я хочу кушать, - спросила Кими, хлопнув себя по животу и забираясь на стул с ногами. Сложила руки на столе, положила на них голову и хитро улыбнулась.

- А что она ест? - спросил Моррис, думая, чем можно ее покормить. Вряд ли ей можно мясо с майонезным соусом, которое сейчас тушится в духовке.

- А что это пахнет? - Девочка подняла голову и принялась, а затем снова опустила на руки, сделав такое трагичное лицо, что мужчина невольно улыбнулся.

- Это мясо. Если папа тебе разрешит, то я положу маленький кусочек. Ты будешь рис?

Моррис посмотрел на Тору и вздохнул. Он был готов сидеть с Кимико, если это будет нужно. А еще он был готов не лезть к Тору с лишними советами или просто разговорами, если тот этого не захочет. А боль от отъезда Яреци, с которой он, скорее всего, никогда больше не увидится, останется с ним. Он посмотрел на виски и вздохнул. При ребенке пить нельзя.

Тору Мотидзуки

Как Тору и предполагал, Кимико не стала долго сидеть в одиночестве, решив поделиться своими успехами с отцом и дедом. И, надо сказать, для своего возраста рисовать у девочки получалось очень неплохо. Хотя он и надеялся, что даже если дочка унаследует мамины способности, рисование для нее станет чем-то вроде хобби, добавляясь к основной профессии.

- Да практически все она ест. Главное, знать меру. Если хочет мясо, пусть попробует. - Возможно, это было не так уж и правильно, но Тору предпочитал не трястись над каждым кусочком, который Кимико тащила в рот и категорически отказывал только если она просила что-то совсем бесполезное. Хотя, чтобы питание было разнообразным, ему пришлось немало потрудиться, осваивая новые блюда, чтобы ребенок не привыкал к еде из доставки или близлежащих к их дому ресторанчиков.

Поскольку они с Кимико нередко обсуждали кулинарные способности ее бабушки, девочка сейчас была согласна и на рис, да и, наверное, на голую соль, если бы ее насыпал Моррис. Так что энтузиазм по поводу снятия пробы со всего, с чего только можно, малышка проявлять не стеснялась. Ну а сам Тору, пока Кимико изучала кухню на предмет вкусов, предпочитал просто за ней наблюдать, утверждаясь в мысли, что решение вернуться в Японию, где ему могли помочь, пока он решает рабочие вопросы, было лучшим с учетом объективной реальности.

Моррис Фернандес

То, как внучка энергично кивала головой, давало понять, что она проголодалась и готова съесть слона. Моррис сам любил поесть, в отличие от Лауритты, Яреци или Жюли с Юкой. Мужчина улыбнулся и встал со стула. Положил ребенку на тарелку

рис и достал мясо из духовки. Кухня наполнилась приятным ароматом пряных трав и пропеченного мяса. Положив небольшой кусочек на тарелку, он поставил ее перед внучкой. Потом, подумав немного, разложил мясо по двум другим тарелкам. Он любил это блюдо, которое готовится из картофеля, мяса и сыра. Жюли в шутку называет свое любимое блюдо, которое напоминает ей о Франции, слоёным пирогом. Моррис добавил в него немного прованских трав, изменил сыр, вместо сырого картофеля положил вареный, а мясо перед запеканием немного обжарил на сковороде. Если правильно порезать и хорошо отбить, то получится очень вкусно и нежное блюдо.

- Угощайся. Мои в восторге от этого блюда. Особенно малышка Юка, которая не особо любит мясо.

Моррис поставил перед Тору тарелку с приготовленной едой, и посмотрел на Кимико, которая нанизала на вилку кусок мяса и дует на него. Рядом с девочкой лежал нож, но она не трогала его.

- Может, тебе помочь?

- Я сама, я все умею, - сказала Кимико, насупившись и взяв нож. Стала резать кусок.

Мужчина посмотрел на часы. Скоро должны вернуться Жюли и Юка. Интересно, как скоро это "скоро" наступит. Женщины, что с них взять. Он усмехнулся, но в этот момент открылась входная дверь, впуская смеющихся Юку и Жюли. Мужчина вытер рот салфеткой и, извинившись перед гостями, пошел встречать своих родных. Они проголодались, поэтому Моррис вернулся на кухню и разложил мясо. Вскоре на кухню вошли Жюли и Юка. Девочка смущенно поклонилась Тору, которого видела на фотографиях. А потом улыбнулась девочке, внимательно изучающую ее.

- Мсье Мотидзуки, я рада видеть вас, - сказала Жюли. - Кимико, ты очень выросла.

Тору Мотидзуки

Если Кимико обрадовалась стряпне деда, то он сам и вовсе был в восторге, пусть и, как обычно, этого не показывал. И дело тут было даже не во вкусовых качествах, которые заслуживали всяческих похвал, а в том, что полноценное и вкусное блюдо готовил сегодня не он. Тору вообще не слишком любил готовить, но наличие маленького ребенка постоянно заставляло себя пробовать в самых разных, временами, неожиданных ролях, вроде повара или большой говорящей игрушки.

- Спасибо Моррис, - искренне поблагодарил он тестя, краем глаза следя за тем, как Кимико орудует ножом. Судя по любви дочери к острым предметам, от отца она взяла немало, но, к счастью, эксперименты пока не приводили к каким-то серьезным последствиям, из-за которых он бы решил значительно ограничить свободу девочки в вопросе исследований. Хотя, конечно, против одной вещи Тору выступал бы категорически, но пока дочка была еще слишком мала, чтобы задумываться о ее взаимоотношениях с мальчиками.

Их трапеза была прервана возвращением новой семьи Морриса, которая уже очень скоро присоединилась к ним на кухне. И пусть эта интернациональная семья

выглядела немного необычно, Тору был рад за тестя, который, пусть уже и в далеко не юном возрасте, смог начать новую жизнь. Сам он сильно сомневался в своей способности когда-нибудь "зайти на третий круг", но это и не имело значения, поскольку на первом, да и на всем остальных местах для него сейчас стояла Кимико.

- И я рад, мадам Денев, Юка. - Тору по очереди поприветствовал женщину и девочку, чье появление вызвало у Кимико неподдельный интерес. На какое-то время дочка даже забыла о еде, принявшись разглядывать вновь прибывших, которые, как Тору надеялся, могли бы стать для нее близкими людьми и помочь привыкнуть к жизни в Токио.

Моррис Фернандез

- Мы купили немного игрушек для Кимико, - сказала Жюли, увидев на столе бутылку виски. Юка поклонился и ушла в комнату. - Мы только поели, дорогой. Возможно мсье Мотидзуки разрешит своей дочке принять подарки и немного поиграть с нами.

- Я хочу, - сказала девочка. - Пап, можно? - Она слезла со стула и подошла к папе. Прижалась к нему. - Пап, пойдем со мной? Вместе? Я стесняюсь.

Моррис улыбнулся, глядя на маленькую внучку, и убрал со стола тарелки. Немного поворчал и сел на свое место. За девочку он решать не мог, но сейчас был не против остаться с Тору наедине, хотя совершенно не представлял о чем говорить. Не о Яреци же. Хотя, надо признать, он сильно переживал из-за этого. В основном из-за того, что не смог правильно воспитать дочь. И, конечно, его добивало, что Яреци даже не позвонила ему, не сообщила о своем решении. Казалось, что после истории с сектой она забыла его.

Мотнув головой, чтобы избавиться от грустных мыслей, Моррис Фернандез посмотрел на Тору, ожидая его решения.

Тору Мотидзуки

И Моррис, и мадам Денев, и Юка делали даже больше, чем Тору мог рассчитывать, сразу втянувшись с игру "появление новых родственников", за что им стоило сказать отдельное спасибо. Ну а Кимико хоть и немного стеснялась, судя по поведению, была совсем не против общения с новыми людьми. И уж точно не собиралась отказываться от новых игрушек, которых у нее, надо сказать, имелось с избытком.

- Можно, - кивнул Тору, не видя причин запрещать дочери игры и подарки. - И ты не стесняйся, здесь нет чужих людей. А я к вам присоединюсь немного позже. - Мужчина прекрасно понимал, что прежде чем устраивать игры с ребенком, ему все-таки стоит обсудить ряд моментов с тестем и постараться настроить того на позитивный лад. Пусть это было и не слишком легко, с учетом разрыва Яреци отношений не только с ним и Кимико, но и с отцом, который в ее понимании, вероятно, не нуждался в первой дочери, раз у него появилась вторая.

- Моррис, - обратился Тору к хозяину квартиры, когда женская компания дружно покинула кухню, - я действительно очень благодарен вам за помощь. Конечно, я мог бы обратиться и к своей семье, но, если честно, пока не слишком горю желанием это

делать.

Стакан с виски, временно отставленный в сторону, снова оказался в его руке и медленно приблизился к губам, позволяя не продолжать тяжелую для самого проблемного из Мотидзуки мысль. Он не сомневался в том, что мать при встрече не станет указывать на его ошибки или говорить о сделанных ей ранее предупреждениях. Но от этого представать перед ней было никак не легче, особенно если бы где-то неподалеку объявился Шотаро, явно не упустивший бы возможность пройтись по теме любви к малолеткам и ее последствиям.

Моррис Фернандес

Когда Кимико получила разрешение от отца, она захлопала в ладоши и побежала в комнату вместе с Юкой. Моррис внимательно посмотрел вслед девочке. Кимико вела себя совсем по-другому, нежели дочка. Яреци всегда боялась остаться одна, без папы. Правда, это было в более младшем возрасте, чем сейчас была Кимико. Он собирал информацию по крупицам и понимал, что внучка действительно более активная и веселая, чем Яри.

- А уж как я тебе благодарен, что ты решил не лишать Кимико возможности общаться со мной. Хотя ты мог бы сделать совсем иначе, порвав со мной все контакты. Большинство людей так и поступило бы. Я... очень сильно люблю ее и не могу представить, даже боюсь, что эта ниточка порвется. Яреци поступила плохо, я ее не оправдываю, но и осудить не могу, как бы мне этого не хотелось.

Моррис замолчал, тяжело вздохнув, погрузившись в свои тяжкие раздумья.

- Она считала, что раз я создал другую семью, то предал ее или маму. Она приезжала ко мне после случая с сектой, и почти не говорила. Мне казалось, что она ревнует. Конечно, папа при живой дочери завел себе новую дочку, носит ее с собой, а о ней не вспоминает. Еще она обиделась на меня, что я ее отправил домой, когда мама умирала. Ладно, прости. Тебе не нужно слушать старика. Я постараюсь больше не говорить ни о чем таком... , - Моррис ненадолго замолчал, затем продолжил снова, но уже на другую тему. Тоже важную. - Но тебе надо будет навестить свою маму. Она знает, что ты вернулся? По крайней мере, помочь тебе она не откажется.

Тору Мотидзуки

- И я не смог бы судить свою дочь, - Тору бросил взгляд в сторону комнаты, где скрылась Кимико. - И не жду от вас ничего подобного. Просто регулярно общайтесь с внучкой. Думаю, всем от этого будет лучше.

Сейчас, пока Кимико еще до конца не поняла, что мамы больше нет рядом, он худо-бедно справлялся сам. Но вот через месяц, два, три? Когда у ребенка накопится масса вопросов по поводу их семьи? Здесь Тору мог рассчитывать только на поддержку других близких людей, способных как-то компенсировать дочери нехватку материнской любви. А еще он начал понимать Шотаро и его попытки найти хоть кого-то, кто бы мог позаботиться о маленьком сыне. Только вот ему подобное не светило - Мизуки была уникальна. Ему хватило ума это понять еще будучи шестнадцатилетним мальчишкой, искренне считающим, что он стал бы для нее

лучшим мужем, чем занудный брат и только ей за подобные дерзкие взгляды не осмеянным.

- Да, что-то подобное я и предполагал. Яреци всегда любила... преувеличивать. - Тору искренне не понимал, как может столь опытный ментальный маг всех и во всем подозревать. Конечно, бывшая жена не озвучивала большей части своих мыслей, но он был более чем уверен, что ее видение происходящего сильно отличалось от реальности, в которой ее муж уж точно никогда не был жестоким равнодушным тираном.

- Да, мои родные знают. И я встречу с ними. Когда буду готов. - Матери Тору позвонил через несколько дней после отъезда Яреци, и та не высказала ни одного упрека в его адрес или адрес беглой жены. Но от этого было бы ничуть не легче смотреть в ее все знающие, все понимающие и от этого сильно раздражающие глаза.

Моррис Фернандес

- Ладно, чего уж там. Все совершают ошибки, но не за все ошибки можно простить. Она выбрала свой путь. Надеюсь, она наконец станет счастливой. Но я больше не хочу ничего о ней слышать. Ею двигала ревность. И злость, что я не разрешил ей попроситься с мамой. Но ведь никто не знал, что Лауритта уйдет через три дня после отъезда Яреци. А если бы она не ушла так скоро? Яри же не должна была быть все время с ней. У нее семья. Была...

Моррис грустно усмехнулся и посмотрел на бутылку. Может быть, в последние годы он стал взрослее, или это была уже старость, но пить уже не хотелось. Конечно, тот случай с пропажей Юки, травмой Жюли и пропажей дорогой его сердцу цепочки, был выпившим и тяжелым. А закидоны дочери... это не повод напиваться.

- Порой, только родители могут просто дать посидеть, погрузившись в свои мысли, не выпытывая ничего и не давая советы. И не навязываясь, - усмехнулся Моррис и отпил немного виски.

Тору Мотидзуки

- На вашем месте я бы не был так категоричен. - Тору опустошил свой стакан и отставил его в сторону. - Все-таки она ваша дочь, какие бы глупости не совершала. А у нормальных родителей всегда сильная связь с детьми, даже если они сами этого не замечают или не признают.

Тору до сих пор прекрасно помнил, как первый раз взял Кимико на руки. Именно с того момента дочка и стала для него самым важным человеком на свете. И сейчас он даже представить себе не мог, что обладало силой заставить его отказаться от родного существа, вокруг которого в той или иной степени вращалась вся его жизнь.

- Помните ту историю со смертью моего отца? Мы всегда с ним много спорили, но мне нелегко было узнать о его уходе. Да и сам упрямый старик, надо признать, меня любил, пусть и, в силу характера, не умел этого показывать. - На многие вещи Тору смог посмотреть с другой стороны после возвращения в Японию через десять с лишним лет и разговора с матерью. Именно тогда он и расстался с длинными

волосами, безумно раздражавшими Мотидзуки Рэна еще с подросткового возраста младшего сына, когда тот впервые решил их отрастить на зло выступающим категорически против этого родителям.

- И я бы не стал мешать Яреци общаться с дочерью, если бы она того захотела. Кимико не виновата в наших разногласиях. Не виновата в том, что семейная жизнь душила еще слишком молодую для этого девушку. Ваша внучка имеет право увидеть или услышать мать, если та решит о ней вспомнить.

Тору никогда не собирался идти по стопам своего брата и делать условием развода отказ бывшей жены от ребенка. В конце концов, в свое время он женился на Яреци со всеми церемониями, которые она хотела, не развлечения ради и не из-за желания похвастаться молоденькой иностранкой. Он действительно ее любил и не стал бы сознательно причинять боль человеку, который раньше был ему по-настоящему дорог.

Моррис Фернандес

- Лично мне от нее ничего не надо. Она думает, что я бросил ее, забыл Лауритту, раз завел себе новую семью. Что ж, ее право. Если она захочет сама связаться со мной, я выслушаю ее, успокою, дам совет. Но похоже никто ей не нужен. Ее право. Как говорится, там, - Моррис головой указал на потолок, - всех рассудят и все найдут ответы на свои вопросы. Не удивлюсь, если она всегда будет считать меня виноватым. Как будто это я тебя познакомил с ней и заставил ее выйти за тебя.

Моррис проворчал, хмыкнул, а потом посмотрел на стакан. Он был пустым.

- Какими бы не были отношения с родителями, тяжело узнавать об их смерти. Но я действительно рад, что ты сумел примириться в душе со своим отцом. А что касается Кимико... надо сделать все возможное, чтобы разлука с мамой прошла для нее менее болезненно. Они вообще были дружны? Яреци мне как-то жаловалась, что Кимико ее совсем не слушается и ведет себя плохо.

Последний раз об этом Яреци говорила после поездки в Испанию, где ей подыграл Маркус. Но, как он понял по словам дочери, после того случая, когда Кимико чуть не увел "мамин знакомый", которого Кими очень плохо помнила, девочка не стала более послушной и все так же не отзывается на детской площадке.

- Она рассказывала тебе про эксперимент, который провел мой племянник в Испании? У тебя было что-то похожее, что Кимико тебя не слушается?

Тору Мотидзуки

Тору сильно сомневался в существовании где-то в высших сферах всевидящего существа, пусть и мог похвастаться тем, что его вторая свадьба прошла по всем католическим правилам. Но даже если убрать все сверхъестественные моменты, посыл Морриса был понятен - на данный момент времени со своей импульсивной дочерью он не хотел никаких контактов. Ну или пытался себя в этом убедить, поскольку мужчина был уверен в способности тестя простить свою дочь, вернись та, как это случалось раньше, и начини просить прощения. А вот он сам... Для него вся эта история окончательно подошла к концу ровно в тот момент, как его взгляд упал

на простое слово "прощайте", единственное, что Яреци посчитала нужным сказать своей семье.

- Я и сам до конца не понимаю, какими были отношения Кимико и ее матери. - Тору прикрыл глаза, стараясь вызвать в памяти любой эпизод, говорящий об отношениях бывшей жены и дочери, но все они получались размытыми и нечеткими. - Иногда мне казалось, что у них полная гармония, а иногда, что они вообще чужие люди. Не знаю, как такое может быть. Мои отношения с Кимико всегда были ровными. Временами, конечно, она может разбаловаться и перестать слушаться, но это всегда решаемый момент. - Сам Тору никогда не сталкивался с какими-то глобальными трудностями в процессе воспитания и не до конца понимал, с чем была связана большая часть претензий Яреци по отношению к дочери.

- Но мы слишком много говорим обо мне. Вы сами нормально со всем справляетесь?

Тору прекрасно знал о проблемах Морриса со здоровьем, которое с годами явно не могло стать лучше, и очень надеялся, что эта история с дочерью не добавила ему новых болячек, способных в очередной раз привести тестя на больничную койку.

Моррис Фернандес

- Ну, считается, что если ребенок не балуется, то это или что-то с ребенком не то, или с его родителями. Кимико очень активная, смышлёная и веселая девочка. Я очень надеюсь, что она останется такой. Яреци всегда была замкнутой и не любила большие компании. А Лауритта... - Моррис споткнулся и хмыкнул, - она всегда была самой веселой и прекрасной женщиной.

Моррис тепло улыбнулся, вспомнив супругу, с которой иногда было очень непросто, а иногда было очень спокойно и счастливо. Он продолжал помнить ее и любить. Потому что он не представлял, как можно забыть человека, с которым живешь большую часть жизни.

- Так мы не о тебе вроде говорим, - улыбнулся Моррис и все-таки налил виски сначала в свой стакан, затем дополнил стакан Тору. - У меня все терпимо. Вот с твоим племянником как-то думали организовать детский уголок. Твоему внуку уже почти пять лет, а Сэтоши с Маргаритой хотят иногда отдохнуть. У нас хорошие скидки для сотрудников и их семей.

Моррис не помнил, видел ли Тору своего внука, наверное Маргарита ему прислала хотя бы одну фотографию.

- Так что жизнь кипит. Недавно Юка не в очень хорошую историю попала, но мы справились.

Тору Мотидзуки

Слушая отзыв Морриса о матери Яреци, Тору в который раз убедился, что болезненные моменты имеют обыкновение забываться. Ведь эта "самая прекрасная женщина" в свое время бросила мужа и перестала общаться с дочерью. Правда, надо отдать ей должное, Яреци на тот момент уже была взрослой и не нуждалась в

матери так, как сейчас Кимико. Но его тесть даже и не думал сейчас вспоминать о не самых красивых поступках бывшей жены, предпочитая сохранить ее образ светлым.

- Внуку? - В первый момент Тору немного опешил, пытаясь понять, каким образом умудрился обзавестись внуком, имея только одну маленькую дочь, и только по именам Маргариты и Сэтоши понял, что речь идет о его внучатом племяннике. - А, вы про Рэна. Да, я его видел, а еще больше слышал от Джуна.

Племянник несколько раз живописал ему в самых ярких красках о склонности очередного мальчишки по фамилии Мотидзуки к разрушениям и своей несчастной доле. И здесь ему можно было только посочувствовать. Маргарита еще и в юности всегда получала то, что хочет, а уж сейчас и вовсе, пользуясь своим авторитетом, могла подкинуть проблемного сына практически любому, кого считала подходящей для этого жертвой.

- Я рад, что вы со всем справляетесь. - Из комнаты, где сейчас находилась Кимико послышался залиvistый детский смех, и Тору не удержался, чтобы, вторя ему, чуть не улыбнуться уголками губ. Пока Кимико нравилось в Японии, и он собирался делать все возможное, чтобы она поскорее смогла почувствовать себя здесь, как дома.

Моррис Фернандес

У Морриса не было больше родственников. Его родители были небогатыми и не могли себе позволить содержать еще одного ребенка. Дяди и тети, если когда-то и были, то сейчас уже он ничего про них не знает. Поэтому как там правильно - внук или внучатый племянник - он не помнил. Все помнить нельзя.

Маргарита иногда рассказывала про Рэна, но чаще о сыне говорил Сэтоши, выбираясь в редкие часы обеда из своего кабинета на кухню или в кабинет начальника. От него Моррис знал, как Рэн растет, живет, пару раз Маргарита приходила с сыном, и тот вел себя более-менее сносно, не разрушая ничего.

Из комнаты раздался веселый смех Кимико, и мужчина заметил, что уголки губ Тору дрогнули, изображая слабую улыбку. Внучка была счастлива и довольна, и Моррис тепло улыбнулся. Он любил детей и не был прочь посидеть с ними. Даже с Рэном. А теперь к нему приехала родная внучка, наполовину мексиканка. Что может быть лучше?

Тору Мотидзуки

Отношения с Моррисом у Тору всегда были неплохие, но сейчас история с Яреци заставляла чувствовать некоторую неловкость, витавшую в воздухе с самого их с Кимико прихода. Судя по всему, Моррис все еще винил себя за какие-то ошибки, допущенные в воспитании дочери и толком не знал, о чем с поговорить с зятем. Да и он сам был не относился к числу слишком общительных людей, не умея, как, например, его племянник, создавать разговор из ничего и облекать его в легкую шуточную форму.

- Ну что же, спасибо, что вы нас принимаете и поддерживаете. Для меня это действительно ценно. - Понимая, что при наличии под боком толпы женщин

нормально выпить у них не получится, Тору решил сильно не расслаиваться на кухне, благо смех дочери показывал, что игры у них сейчас в самом разгаре. Ну а раз он обещал принять участие, должен был отвечать за свои слова, не обманывая доверие самого важного для него человека.

- Я сказал Кимико, что поиграю вместе с ними. Надо идти. - Тору немного помолчал, а затем добавил. - И вы присоединяйтесь к нам. - В массовых семейных увеселениях участия он раньше не принимал, но это должен был быть интересный опыт. Ну главной целью Тору ставил порадовать Кимико, по причине чего поднялся из-за стола и отправился в комнату, где царил веселье, сильно контрастирующее с их с Моррисом мрачными лицами.
